

Миляуша Закирова

Латинская Америка XX века: социальная антропология бедности / Отв. ред. Б.И. Коваль. М.: Наука, 2006. 287 с. ISBN 978-5-0203-5134-9

Миляуша Закирова. Адрес для переписки: Европейский университет в Санкт-Петербурге, факультет политических наук и социологии, Россия, 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, дом 3. mzakirova@eu.spb.ru.

В книге приводятся результаты исследования такого комплексного явления, как бедность. Исследователи выделяют несколько подходов к ее изучению. Наиболее распространенным является «потребительский подход», его ключевая категория — прожиточный минимум. Другой подход — «социально-духовный», когда внимание акцентируется на характере производства различных благ и возможностях гражданского участия. Третий подход — самоидентификация людей в социальном пространстве. Авторы не включают властные отношения в свою концепцию бедности, но подчеркивают значимость дихотомии «потребитель — производитель». Эту мысль они раскрывают во второй половине книги, когда рассматривают способы преодоления бедности через творческую (созидательную) активность.

Описывая методологию исследования, авторы справедливо заявляют о необходимости поиска новых теоретических перспектив. Они призывают отказаться от экономического детерминизма в определении бедности, а следовательно, и в политике по ее сокращению, и настаивают на включении «человеческого компонента» и преодолении дистанцированности исследователя от объекта. На мой взгляд, эти задачи были реализованы не полностью. В книге дается подробная статистическая характеристика региона, описываются случаи нескольких стран с точки зрения агентов социальной политики («социальной терапии»), однако мы не слышим голосов самих жителей трущоб. Даже в той главе, где автор приводит свои заметки, составленные по результатам двух походов в фавелу (квартал трущоб) в Рио-де-Жанейро, читатель получает лишь общее представление о жизни фавелы. В чем же специфика фавел? Как и чем в них живут люди? Кто они? Существует ли какая-то внутренняя структура социального и физического пространства фавелы? У читателя, не посвященного в историю бразильских мегаполисов, возникает множество вопросов, оставшихся без ответа.

Несмотря на то что в названии книги четко определена временная граница — XX век, авторы уделяют большое внимание истории вопроса, что объяснимо сложностью явления, понимание которого было бы однобоким без знания культурно-исторического контекста. В этом смысле особенно интересной для специалистов (в частности, для историков социальной работы) окажется глава, посвященная религиозной трактовке бедности и основанной на ней политике различных церквей в отношении неимущих.

Авторы признают, что четкую границу между нищетой и бедностью они не проводят. Однако генерализация здесь неприемлема, поскольку нищие и бедные различаются — в их отношении применяются различные политики. Российские исследователи часто определяют нищенство как образ жизни или как характер деятельности. Нищие визуализируют проблему бедности, через них она «выходит» в публичное пространство, а не ютится в коммунальных квартирах или на загородных свалках. Формы, которые принимает нищенство, культурно детерминированы: «Для успешности представления нищим необходимо соответствовать неким клише, представлениям об экстремальной бедности, обездоленности» (Кудрявцева 2002). Нищие как воплощение социальной проблемы становятся одним из объектов воздействия властных агентов (Голосенко 1996: 18).

Еще одна важная граница, не актуализированная в книге, — городская и сельская бедность, эти явления имеют разные источники и ресурсы. Кроме того, авторы практически никак не рассматривают статусную структуру, которая пронизывает любую социальную среду, особенно испытывающую острый дефицит, а значит, и жесткую конкуренцию.

Значительная часть книги посвящена описанию неолиберальных реформ, проведенных в латиноамериканских странах в конце XX века. Они привели к массовым сокращениям и уменьшению роли государства в социальной сфере. Среди их последствий авторы фиксируют рост бедности, однако мало пишут о новых бедных слоях, которые могли появиться в результате этих реформ. Основное внимание уделяется описанию традиционной бедности, когда на первый план выходит семья, которая транслирует культуру бедности от поколения к поколению. Деклассированию уделено здесь меньше внимания.

Исследователи подробно останавливаются на описании деятельности трех основных акторов, влияющих на положение дел бедных слоев: государство, которое реализует себя через государственный патернализм; бизнес, реализующий себя в благотворительности; гражданское общество, функционирующее через систему взаимной поддержки граждан. Авторы книги признают недостатки неповоротливой и малоэффективной социальной политики государства, стремящегося по большому счету лишь к нивелированию рыночных издержек с целью сохранения сложившегося социального порядка. Бизнес также подвергается критике за отсутствие альтруизма и поиск выгоды. Солидарность и взаимная поддержка людей на локальном уровне наиболее эффективны.

Свое понимание развития гражданского общества авторы основывают на концепции «нового гуманизма», развивающейся в латиноамериканской философии с конца прошлого века. Ключевая категория этой концепции — личность. По мнению авторов книги, гуманисты — субъекты гражданского общества. Это своего рода просветители, которые дают толчок к нравственному и материальному росту и преодолению чувства *ressentiment*. *Ressentiment* — это не только негативное чувство отчуждения личности от общества, зависти, обиды и агрессивности по отношению к окружающим, но и позитивное стремление к активности и улучшению положения дел. Преодоление *ressentiment* означает успешное встраива-

ние в систему капиталистических отношений. Однако такое видение приводит к отказу от культурного плюрализма. Поскольку культуры бедных слоев рассматриваются авторами с точки зрения доминирующей культуры, им отказывается в ценности и автономности.

Роль гражданского общества, когда улучшение условий жизни происходит в результате кооперации снизу, хорошо показана авторами на примере истории индейцев Латинской Америки. Индейское население здесь исторически существует в тяжелой экономической ситуации. После того как расистское объяснение бедности индейцев потерпело поражение, усилилось движение «индеанизм», направленное первоначально на интеграцию индейского населения. Политика интеграции была расценена негативно и самими индейцами. В результате возникла солидарность внутри индейского сообщества, которое провело ряд успешных действий, в частности в аграрной сфере.

Авторы книги показали всю сложность и многоаспектность бедности. Предложенная ими матрица критериев бедности, в которую была включена не только оценка материальных условий жизни, но и характер гражданского участия и сопутствующие социальные проблемы, окажется полезной для будущих исследователей. Гуманизация исследовательской позиции, к которой призывают авторы, качественная оценка бедности открывают новые перспективы в изучении этого вопроса.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Голосенко, И.А. 1996. Нищенство в России. Из истории дореволюционной социологии бедности // *Социологические исследования*. 8: 18–25.
- Кудрявцева, М. 2002. Профессия: нищий // *Пчела*. 1 (37): 27–28.